

ОСЕННИЙ ЭТЮД

Театральный сезон открывается осенью. Осенью начинается для актера год. Мечты, надежды, планы... Этап в жизни. Веха в судьбе. Первая, вторая, еще одна дверь, приоткрывая в будущее. Все это для актера — осень...

НЫНЕШНИЙ сезон для молодой актрисы драматического театра имени Кингисеппа Марии Кленской — четвертый. В четвертый раз распахнулся занавес года. В четвертый раз приоткрылась дверь: что там, за ней? И хотя официально объявлено, какой спектакль репетируется сейчас в театре, и режиссер не делает секрета из распределения ролей, Мария просит:

— Давайте, не будем говорить о том, что еще не сделано. Актер всегда немножко суверен... Это ведь простиительно? И объяснимо, правда? Я не боюсь, но еще рано... рано... А, может, и боюсь...

Хорошо, не надо о будущем. Не надо о судьбе, которой еще только предстоит решиться. Не надо о характере, который еще только будет вылеплен. В конце концов это касается не одной актрисы Кленской, но еще той, что появится на сцене. Той, что самой Марии до глубины души еще не ведома, не понятна. Женщины, которая поведает нам со сцены о своем страдании. Поведает устами актрисы. Не надо говорить о боли, что еще не родилась...

У ее героинь почему-то не бывает счастливой судьбы. У душевно одержимых удачно сложившаяся жизнь — редкость. А у актрисы?

Она говорит, что каждая вновь полученная роль — сплошное везение. И, испугавшись сказанного, стучит согнутым пальцем по дереву: актерское суеверие. Или, может, другое: боязнь успокоиться от сознания того, что везет? Что может дать успокоенный человек той, что должна поведать со сцены о своей боли?

И мы не говорим о будущем. О том, что еще не сделано. Мы говорим о том, что уже свершилось. О вампиловской Валентине из «Прошлым летом в Чулимске», о Кате из «Эшелона» М. Рошнина, о Мелисанде, Пенелопе — от спектакля к спектаклю исследует Мария женский характер, обнажая его срез. Исследует психологию женского сердца во всей гамме его порывов, поступки на самых изломах судьбы своей героини.

В прошлом сезоне — это Любовь Яровая, сыгранная на сцене, и Эстер из фильма «Цену смерти спроси у мертвых» — женщины, чьи судьбы и характеры были рождены революционными событиями. Не случайно литературовед Н. Я. Берковский пишет в книге «Литература и театр»: «Характер — это приспособление человеческой

души к повседневной среде и быту». Характеры Яровой и Эстер, созданные Марией Кленской, — это тоже приспособления души к той среде, в которой героини оказались, к той разновидности быта, которую продиктовало сложное время.

Эстер и Яровую удобно сравнивать — на первый взгляд, их многое роднит. Актриса не любит этих сравнений. Для нее эти женщины — совершенно разные, по-человечески едва ли не полярные друг другу. Мария не хочет, чтобы ее Любовь Яровую считали профессиональной революционеркой, сознательно и продуманно принимающей сторону большевиков, а потому порвавшей с мужем, — такое решение роли было бы лобовым. Для Кленской, и это, бесспорно, читается в спектакле, Яровая — в первую очередь женщина. Любящая женщина, вынужденная ценой собственного счастья, ценой своей любви расплачиваться за чисто интуитивное понимание того, что правда и правота не на стороне поручика Ярового. Но даже при условиях этой расплаты любовь, чувство Для Любви Яровой первично. Счастье уже не может состояться, но от любви героине Кленской отказаться невозможно. И живи Яровая в другое время, совсем иначе сложилась бы ее жизнь. Трагедия этой женщины заключается даже не в том, что они с мужем оказались по разные стороны баррикады, а в том, что взаимная любовь двух честных людей оказалась несвоевременной по отношению к историческим событиям.

А для Эстер из фильма «Цену смерти спроси у мертвых» именно исторические события стали определяющими. Она — революционерка по убеждениям и профессии. С революцией связана вся ее жизнь.

— Фанатично ли Эстер предана своим убеждениям? — размышляет актриса. — Смотря что понимать под этим словом. Если преданность тому, во что веришь бесспорно, до полного самоотречения, то тогда Эстер, наверное, фанатик своего дела. Но для меня лично фанатизм граничит с насилием, даже с убийством. Тогда получается слишком прямолинейно: Эстер убивает Дору только потому, что она фанатичка, не отдающая себе отчета в том, что делает. А это не только примитивно, но еще и неверно. Мне бы не хотелось, чтобы моя Эстер выглядела ограниченным человеком. Ее

преданность революции, делу, которому она посвятила себя без остатка, от богатства души. И революционная деятельность для нее — не компенсация того, что не состоялось в личной жизни. В служении долгу она не становится беспольным существом — нет, Эстер еще и потому посвящает себя делу революции, что им занимается любимый человек. Она в глубине души, в самых тайниках своего изболешшегося сердца любит Антона, и во многом ее поступки — чисто женская реакция на происходящее вокруг... А, знаете ли, такая «железобетонная мегера» в кожаной куртке, с револьвером и вроде бы горящим взглядом, а на самом деле без судьбы, без характера — это настолько примитивный образ на сцене, на экране, что давно уже никого не убеждает. Одержимость должна идти не от внешности, а изнутри, от природы героя...

Материал актера — он сам, его личность. Что еще может вложить актер в своего героя, если не собственное внутреннее богатство, свое миропонимание, мироощущение? Мастерство? Пусть так. Но и мастерство — это не сумма наработанных штампов. Мастерство тоже должно из чего-то произрасти. И героини того далекого революционного времени сегодняшнему зрителю могут быть интересны, если их характеры прочитаны не просто нашей молодой современницей, но и человеком творческим, умеющим глубоко проникнуть в психологию, со своих собственных гражданских позиций оправдать их поступки и убеждения. Мария Кленская наделена этой способностью, поэтому не оставляют к себе равнодушными образы, которые она создает. Не случайно на последнем кинофестивале в Ереване актриса за исполнение роли Эстер в фильме «Цену смерти спроси у мертвых» получила вторую премию.

Предыдущий сезон был для нее счастливым. Не только в кино. И в первую очередь не в кино, потому что главное для нее — конечно, театр. За свои театральные работы она стала лауреатом премии Эстонского театрального общества.

О будущем Мария Кленская немного страшится говорить, боится загадывать, даже предполагать. Но то, что уже сделано молодой актрисой, позволяет пусть не ей самой — тем, кто видел ее на сцене, на экране и каждый раз попадал под обаяние ее драматического мастерства, строить прогнозы: Марии Кленской есть о чем вести со сцены сложный своей трагической исповедальностью диалог со зрителем.

Э. АГРАНОВСКАЯ.